

А.Н. Николюкин
С.П. ШЕВЫРЁВ О ЛЕРМОНТОВЕ*

Аннотация. В статье рассматриваются высказывания С.П. Шевырёва в двух его статьях о Лермонтове.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов; С.П. Шевырёв; А.С. Пушкин; Кавказ; русская поэзия; критика; роман.

Nikolyukin A.N. S.P. Shevryov about Lermontov

Summary. The article deals with two essays by S.P. Shevryov about M.Yu. Lermontov.

Keywords: M.Yu. Lermontov; S.P. Shevryov; A.S. Pushkin; Caucasus; Russian poetry; criticism; novel.

Статья о романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», опубликованная С.П. Шевырёвым в начале 1841 г. в журнале «Москвитянин» (№ 2. С. 515–538), начинается с утверждения, что никакое новое имя в литературе не блеснуло так ярко, как имя Лермонтова. Заканчивается эта статья высочайшей оценкой романа: «...произведение г. Лермонтова носит в себе глубокую истину и даже нравственную важность. Он выдает нам этот призрак, принадлежащий не ему одному, а многим из ПОКОЛЕНИЙ живущих, за что-то действительное, – и нам становится страшно, – и вот

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18–012–00150: Шевырёв С.П. Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 томах.

полезный эффект его ужасной картины. Поэты, получившие от природы такой дар предугадания жизни, как г. Лермонтов, могут быть изучаемы в своих произведениях с великою пользою, относительно к нравственному состоянию нашего общества. В таких поэтах, без их ведома, отражается жизнь им современная: они, как воздушная арфа, доносят своими звуками о тех тайных движениях атмосферы, которых наше тупое чувство и заметить не может».

Пушкин после сказочной поэмы «Руслан и Людмила», отмечает Шевырёв, начал с Кавказа писать первую свою картину действительной жизни – поэму «Кавказский пленник». «Марлинский приучил нас к яркости и пестроте красок, какими любил он рисовать картины Кавказа. Пылкому воображению Марлинского – казалось мало только что покорно наблюдать эту великолепную природу и передавать ее верным и метким словом. Ему хотелось насиловать образы и язык; он кидал краски с своей палитры гуртом, как ни попало, и думал: чем будет пестрее и цветнее, тем более сходства у списка с оригиналом <...>

Потому с особенным удовольствием можем мы заметить в похвалу нового Кавказского живописца, – отмечает Шевырёв, – что он не увлекся пестротой и яркостью красок, а верный вкусу изящного, покорила трезвую кисть свою картинам природы и списывал их без всякого преувеличения и приторной выисканности. Дорога через Гут-гору и Крестовую, Койшаурская долина описаны верно и живо». Кто не бывал на Кавказе, но видел, как сам Шевырёв, Альпы, тот может отгадать, что это должно быть верно. «Но, впрочем, должно заметить, что автор не слишком любит останавливаться на картинах природы, которые мелькают у него только эпизодически. Он предпочитает людей и торопится мимо ущелий Кавказских, мимо бурных потоков, к живому человеку, к его страстям, к его радостям и горю, к его быту образованному и кочевому. Оно и лучше: это добрый признак в развивающемся таланте».

Шевырёв усматривает некоторые недостатки в изображении аристократии. Так, он утверждает, что «в повестях у нашего Автора мы встретили не один поклеп на наших Княгинь в лице Княгини Лиговской, которая впрочем может составить исключение... Нет, вот еще эпиграмма и на московских Княжен, что будто бы они смотрят на молодых людей с некоторым презрением, что это даже московская привычка, что оне в Москве только и питаются сорока-

летними острьяками... Все эти замечания, правда, вложены в уста доктору Вернеру, который впрочем, по словам Автора, отличается зорким глазом наблюдателя».

Особое внимание Шевырѐва привлекает Максим Максимыч, близкий по духу самому критику. «Из побочных лиц первое место мы конечно должны отдать Максиму Максимовичу. Какой цельный характер коренного Русского добряка, в которого не проникла тонкая зараза западного образования; который, при мнимой наружной холодности воина, наглядевшегося на опасности, сохранил весь пыл, всю жизнь души; который любит природу внутренно, ею не восхищаясь, любит музыку пули, потому что сердце его бьется при этом сильнее... Как он верит еще в чувства любви и дружбы! Свежая, непочатая природа! Чистая, детская душа в старом воине! Вот тип этого характера, в котором отзывается наша древняя Русь! И как он высок своим Христианским смирением, когда, отрицая все свои качества, говорит: Что же я такое, чтобы обо мне вспоминать перед смертью? Давно, давно мы не встречались в Литературе нашей с таким милым и живым характером, который тем приятнее для нас, что взят из коренного Русского быта. Мы даже посетовали несколько на Автора за то, что он (132 стран. ч. I) как будто не разделяет благородного негодования с Максимом Максимовичем в ту минуту, как Печорин в рассеянности, или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею».

Мимоходом упоминает Шевырѐв о Грушницком: «Его личность конечно не привлекательна. Это в полном смысле слова, пустой малой. Он тщеславен... Не имея чем гордиться, он гордится своею серою юнкерскою шинелью. Он любит без любви. Он играет ролю разочарованного – и вот почему он не нравится Печорину; сей последний не любит Грушницкого по тому же самому чувству, по какому нам свойственно не любить человека, который нас передражливает и превращает то в пустую маску, что в нас есть живая сущность. В нем даже нет и того чувства, которым отличались прежние наши военные, чувства чести. Это какой-то выродок из их общества, способный к самому подлому и черному поступку».

Обращая внимание на двух героинь, которые «достались в жертву Печорину», Шевырѐв продолжает: «Бэла и Княжна Мери образуют между собою две яркие противоположности, как те два общества, из которых каждая вышла, и принадлежат к числу заме-

чательнейших созданий поэта, особенно первая. Бэла – это дикое, робкое дитя природы, в котором чувство любви развивается просто, естественно, и развившись однажды, становится незалечимой раной сердца. Не такова Княжна – произведение общества искусственного, в которой фантазия была раскрыта прежде сердца, которая заранее вообразила себе героя романа и хочет насильно воплотить его в каком-нибудь из своих обожателей».

Роман Лермонтова и образ Печорина вызвали рецензии; В.Г. Белинский писал о значительности и типичности главного героя; Н.А. Полевой, О.И. Сенковский, С.О. Бурачок отозвались отрицательными замечаниями. Шевырёв стал частью общей дискуссии. Он пишет, что Евгений Онегин участвовал несколько в рождении Печорина. Однако «Евгений Онегин не был одарен энергиею душевной; он не страдал сверх апатии гордостью духа, жаждою власти, которою страдает новый герой. Печорин скучал в Петербурге, скучал на Кавказе, едет скучать в Персию; но эта скука его не проходит даром для тех, которые его окружают. Рядом с нею воспитана в нем неодолимая гордость духа, которая не знает никакой преграды и которая приносит в жертву все, что ни попадается на пути скучающему герою, лишь бы только было ему весело. Печорин захотел кабана во что бы то ни стало, он его достанет. У него врожденная страсть противоречить, как у всех людей, страдающих властолюбием духа. Он неспособен к дружбе, потому что дружба требует уступок, обидных для его самолюбия. Он смотрит на все случаи своей жизни, как на средства для того, чтобы найти какое-нибудь противоядие скуке, его скупающей. Высшее его веселье – разочаровывать других! Необъятное ему наслаждение – сорвать цветок, подышать им минуту и бросить его! Он сам сознается, что чувствует в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на его пути; он смотрит на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую его душевные силы. Честолюбие подавлено в нем обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, в жажде власти, в удовольствии подчинять своей воле все, что его окружает... Самое счастье, по его мнению, есть только насыщенная гордость... Первое страдание дает ему понятие об удовольствии мучить другого... Бывают минуты, что он понимает Вампира... Половина души его высохла, а осталась другая, живущая только за тем, чтобы

мертвить все ее окружающее... Мы слили в одно все черты этого ужасного характера – и нам стало страшно, при виде внутреннего портрета Печорина!»

По мнению Лермонтова, Печорин есть герой нашего времени. В этом выражается взгляд Лермонтова на жизнь и основная мысль произведения. Если это так, продолжает Шевырёв, стало быть, наш век тяжело болен. В чем же заключается главный недуг его? «Великий недуг, отражающийся в великих произведениях поэзии века, был на Западе результатом тех двух болезней, о которых я имел случай говорить, представляя читателям свой взгляд на современное образование Европы. Но откуда же, из каких же данных у нас мог бы развиться тот же недуг, каким страдает запад? Чем мы его заслужили? Если мы в нашем близком знакомстве с ним и могли заразиться чем-нибудь, – то конечно одним только недугом воображаемым, но не действительным. Выразимся примером: случается нам иногда, после долгих коротких сношений с опасно больным человеком, вообразить, что мы сами хвораем тою же самою болезнью. Вот, по нашему мнению, где заключается разгадка созданию того характера, который мы разбираем.

Печорин, конечно, не имеет в себе ничего титанического; он и не может иметь его; он принадлежит к числу тех пигмеев зла, которыми так обильна теперь повествовательная и драматическая литература запада. В этих словах ответ наш на второй из двух вопросов, предложенных выше, на вопрос эстетический. Но не в этом еще главный его недостаток. Печорин не имеет в себе ничего существенного, относительно к чисто-русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов... Там он герой мира действительного, у нас только герой фантазии – и в этом смысле герой нашего времени... Вот существенный недостаток произведения... С тою же самою искренностью, с какою мы сначала приветствовали блистательный талант автора в создании многих цельных характеров, в описаниях, в даре рассказа, с тою же искренностью порицаем мы главную мысль создания, олицетворившуюся в характере героя. – Да, и великолепный ландшафт Кавказа, и чудные очерки Горской жизни, и грациозно-наивная Бэла, и искусственная Княжна, и фантастическая шалунья Тамани,

и славный, добрый Максим Максимович, и даже пустой малой Грушницкий, и все тонкие черты светского общества России, все, все приковано в повестях к призраку главного характера, который из этой жизни не истекает, все принесено ему в жертву – и в этом главный и существенный недостаток изобретения».

После гибели Лермонтова Шевырёв прочитал в «Утренней Заре. Альманахе на 1843 год» его стихотворение 1840 г. «Валлерик» (именно в таком написании, в отличие от принятого в академическом издании: «Валерик»). В «Критическом перечне произведений русской словесности за 1842 год» Шевырёв написал небольшой раздел о стихотворении и памяти Лермонтова, который никогда не перепечатывался и включен в третий том «Полного собрания литературно-критических трудов» Шевырёва, выпускаемого петербургским издательством «Росток» при финансовой поддержке РФФИ. Мы приводим целиком это забытое суждение о значимости поэта в России.

«Из стихов Утренней Зари всех замечательнее конечно последнее стихотворение Лермонтова: Валлерик. Формы его прекрасны своею простотою; но оне все-таки напоминают до того Пушкина, что мы еще и отсюда не можем отгадать, какое новое направление принял бы талант Лермонтова. Со временем, когда изгладятся воспоминания современников, можно будет под этими стихами подписать имя Пушкина 1820-х годов, и никто не отгадает... Разве наведут на иного знатока сомнения рифмы: завалы и заблестали, которых строгий Пушкин никак бы себе не позволил и которые верно исправил бы и Лермонтов, если бы дописал свое произведение...

Трудно разгадывать тайны будущего; но мы всегда останемся убеждены, что дарование Лермонтова назначено было к великому развитию, что самое направление его духа изменилось бы, и что литература наша в лице его понесла великую потерю. Несмотря на то, мы не можем без негодования слышать суждения тех непризванных критиков, которые, в бреду непрерывной изменчивости своих неустоявшихся мнений, готовы теперь же поставить Лермонтова выше Пушкина. Такое мнение вперяется даже и молодому поколению, и обнаруживает в судьях только ограниченность и слабость ума, готового всегда прилепиться к последнему явлению в чем бы то ни было, совершенное отсутствие основательных познаний в истории нашей Словесности, и может быть еще гадкую,

притаенную мысль, которая ненавистна была бы душе самого Лермонтова, если бы могла дойти до него. Пушкин был полным цветом Русской Поэзии, органически выросшим, раскрывшимся и принявшим в себя все ее прежнее развитие начиная от Ломоносова и включая древний коренный сок, таившийся в народных наших песнях. Лермонтов же, как мы его теперь знаем, не был бы возможен без Пушкина: у Пушкина всякой стих сотворен и льется из полной души возмужалого Поэта; в стихах Лермонтова отзывается явно отголосок лиры другого... Да не подумают некоторые, что мы хотим унижать дарование Поэта, которого утрату сами сильно чувствовали и оплакивали... Нет, но мы восстаем только против вопиющей несправедливости, против ложного направления, которое хотят навязать молодому, свежему поколению... Как прежде стремились к тому, чтобы Поэзию Пушкина оторвать от всех ее предшественников и поставить ее в бессмысленном одиночестве для новых поколений, – так теперь не довольствуются уже Поэзией Пушкина и видят дальнейшее ее развитие в Лермонтове... Дело в том, что поэзия Русская в лице Лермонтова не сделала ни шагу вперед против Пушкина, потому что сам Поэт не успел еще достигнуть той зрелости развития, какой достиг Пушкин... Лермонтова же хотят употребить как средство для того, чтобы расторгнуть через него союз молодого поколения с Пушкиным и нарушить связь преданий... Так могут действовать только враги прекрасного и Поэзии отечественной. Ничтожен будет совершенно тот, на кого подействует хотя немного такое ложное внушение. Связь, которую Пушкин соединяет все ему предшествовавшее с поколениями новыми, составляет основу всего будущего развития нашей Словесности. Мы надеемся скоро поговорить подробнее об этом важном предмете».

Единственное, что нам необходимо добавить, – это то, что в стихотворении «Валерик» рифма приведена Шевырѐвым неточно. У Лермонтова читаем:

Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало.

В 1841 г. Шевырѐв написал стихотворение о Лермонтове «На смерть поэта».